

О. П. Илюха, Ю. Г. Шикалов

Школьные учебники периода финской оккупации Карелии (1941–1944 годы)*

Илюха Ольга Павловна

доктор исторических наук, директор, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия)

Шикалов Юрий Геннадьевич

PhD истории, доцент, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

В последние десятилетия одним из быстро развивающихся междисциплинарных направлений гуманитарных наук стало комплексное изучение истории учебника. Школьной книге как средству массовой информации, передающему официально санкционированное знание, приписывается особое значение в процессе «образования смыслов». Отмечается роль учебника как в легитимации действующей власти, так и в создании/разрушении образов врага¹. Исследователи пришли к выводу о том, что, выполняя функцию обучения, школьные книги одновременно становятся элементом конструирования политики, культуры, экономики, баталей и компромиссов².

Наибольший интерес вызывают учебники гуманитарного цикла и книги для обучения чтению (азбуки, буквари), имеющие определяющее значение для формирования картины мира ребенка. Эти издания рассматриваются специалистами не только как отражение господствующих в обществе педагогических идей, но и как послание взрослых детям, поскольку учебники такого рода гомогенизируют общество, создают узы общей исторической памяти, объединяющей целые поколения людей³. Общеизвестно, что книги для обучения чтению «говорят языком власти» и предлагают ребенку систему образов и целый набор координат для самоидентификации. Таким образом, тексты учебников (и не

в последнюю очередь букварей) являются мощным каналом трансляции идеологии и форматирования идентичности.

В условиях Второй мировой войны оккупационные власти — немецкие, румынские, финские — уделяли пристальное внимание содержанию школьных учебников, с помощью которых следовало социализировать детей в новых условиях, осуществить в их сознании деконструкцию советской картины мира и в результате — радикально изменить идентичность. Достижение этой цели требовало создания новых учебных пособий. История данного вопроса долгое время не входила в круг специальных задач исследователей, занимавшихся изучением Второй мировой войны. Его обычно касались вскользь при характеристике либо оккупационного режима (в части организации школьного дела), либо системы пропаганды, использовавшей учебную книгу в собственных интересах. Научные публикации, посвященные проблеме коллаборационизма, в последние десятилетия привлекающие все большее внимание российских исследователей, имеют косвенное отношение к теме авторства новых школьных учебников, составителями которых подчас становились сотрудничавшие с оккупационными властями бывшие советские учителя или служители Православной церкви.

Среди публикаций, в определенной мере проливающих свет на историю школьного учебника на оккупированных территориях СССР, отметим статьи О. Е. Германовой⁴, М. В. Дацишиной⁵, М. В. Михайлюк⁶, К. П. Обозного⁷, Б. А. Равдина⁸, публикацию Ю. Туронака⁹. Лучше других в этом отношении освещена ситуация в Прибалтике, Украине, Белоруссии, западных районах РСФСР, т. е. на территориях, оккупированных в самом начале Великой Отечественной войны, где до их освобождения новые власти успели довольно широко развернуть школьную работу. В центре внимания исследователей — история создания учебников, выявление судеб их авторов, в меньшей степени — содержание учебных книг. Скорее исключением в этом плане является статья Б. А. Равдина, уделившего некоторое внимание наполнению учебников, издававшихся для Остланда (оккупированных советских территорий Латвии, Эстонии, Литвы, западных областей РСФСР и Белорусской ССР). Также краткий обзор новых образов, созданных в «учебниках от Гитлера», осуществлен М. В. Дацишиной.

Что касается изучения истории школьного учебника на оккупированной финскими войсками территории Карелии, то здесь наблюдается схожая с другими регионами историографическая ситуация: при довольно хорошей изученности школьной системы учебная книга пока остается в тени. При этом приоритет в изучении школы военного времени принадлежит финским исследователям. Прежде всего, нужно назвать монографию Антти Лайне, который первым на уровне докторской диссертации предпринял системное изучение финского оккупационного режима, включая организацию школьного дела¹⁰. Тему школьного образования продолжил в качестве диссертационного исследования другой финский историк — Матти Хёлс¹¹. В 2017 г. Рейо Ратайоки защитил диссертацию, посвященную организации школьного обучения ингерманландского населения, перемещенного из Ленинградской области в Финляндию в 1942–1943 гг.¹² Однако ни один из упомянутых авторов не ставил приоритетной задачей исследование содержания учебников, применявшихся в школах на оккупированных Финляндией территориях. А. Лайне

и М. Хёлся — каждый в своем исследовании — посвятили лишь по несколько страниц истории создания и идеологической направленности учебников. Авторы настоящей статьи пытаются в некоторой мере заполнить данный пробел.

Имеющиеся исследования показывают заметную разницу в подходах различных оккупационных сил и их региональных администраций к созданию школьного учебника на бывших территориях советских республик и областей, что определялось политикой сегрегации по национальному признаку, дифференциацией в отношении к этническим группам местного населения, включая детей. Например, этнически близкие румынам жители Молдавии, финнам — карелы и вепсы оказались в привилегированном положении, поскольку рассматривались оккупационными властями как граждане будущей «Великой Румынии» или «Великой Финляндии», тогда как русских и прочих славянских детей расценивали как «чуждых» и видели их в будущем в лучшем случае в качестве подданных, несущих все возможные повинности в пользу одной из новых «великих держав». Эти подходы в значительной мере определяли школьную политику в целом и наполнение книг для обучения чтению в частности.

Документы, изданные немецкими властями в 1941 г. для оккупированных территорий, запрещали использовать в процессе обучения советскую литературу, включая учебники. Вместе с тем разрешалось вернуть в школы дореволюционные школьные книги, изданные до начала Первой мировой войны. По понятным причинам их экземпляры сохранились лишь случайно. Иная ситуация была в оккупированных республиках Прибалтики, где также предлагалось использовать для обучения латышей, литовцев и эстонцев книги, изданные до установления здесь в 1940 г. советской власти. Поскольку с тех пор прошло совсем немного времени, многие книги сохранились и снова нашли применение. Параллельно развернулась работа по подготовке новых учебников¹³.

В реальной жизни существовало немало отступлений от тех регламентов, которые пытались установить немецкие оккупационные власти. По данным О. Е. Германовой, в школах для русских детей обучение зачастую велось по советским учебникам¹⁴. Схожим образом характеризует ситуацию Б. А. Равдин, отмечая такие технологии обновления книг, как заклеивание и вырезание портретов советских вождей, удаление идеологических текстов, зачеркивание неприемлемых для нового режима фраз¹⁵. Выразительной иллюстрацией этой ситуации являются воспоминания одного из ветеранов, пережившего в детстве оккупацию Украины: «В одном классе были дети с трех школ. Пришла учительница с немецким офицером, который говорил, а она переводила. Офицер говорил, что Германия заботится о детях Украины и хочет, чтобы они были грамотными. Когда офицер ушел, учительница сказала — дети, открывайте учебники и заклеивайте Ленина, Сталина, Ворошилова... Учебники были очень толстые, ибо мы заклеивали их гнилой картошкой»¹⁶.

В школах на оккупированных немецкими войсками территориях обучение проходило на русском языке, немецкий вводился как предмет лишь с третьего класса¹⁷. В западных регионах РСФСР время позволило новым властям издать свои учебники. Такие книги были созданы также для русских школ в Прибалтике. Румынские оккупационные власти издали школьный букварь для учащихся

Транснистрии (Заднепровья). В Карелии, находившейся под финской оккупацией в течение трех лет, также развернулась создание новой школы и учебников для нее.

Организация школьного обучения в Восточной Карелии. Финские войска оккупировали большую часть Карело-Финской ССР к концу 1941 г., после чего фронт стабилизировался и оставался без особых изменений вплоть до лета 1944 г. В Финляндии оккупированные территории получили название Восточной Карелии. Финские националистические организации считали Восточную Карелию частью создаваемой «Великой Финляндии», подчеркивая общность исторических, культурных и национальных корней. Оккупация советской Карелии трактовалась с этих позиций как освобождение карельского народа от российского и большевистского гнета¹⁸.

На оккупированных территориях проживало к концу 1941 г. около 80 тыс. чел., а по подсчетам, проведенным в июле 1942 г., количество населения Восточной Карелии выросло до 85 тыс. Оккупационные власти подразделяли жителей Восточной Карелии на две основные категории: «национальную» и «не-национальную». К первой относились представители финно-угорских национальностей, ко второй — русское и все остальное население. Соотношение этих двух категорий во время оккупации было примерно равным¹⁹.

Главным руководящим органом оккупированной Карелии стало Военное управление Восточной Карелии (далее — ВУВК). Управление считало основной задачей своей деятельности проведение массовой финнизации финно-угорского населения оккупированных территорий и подготовку этого региона к полному объединению с Финляндией после окончания войны. Из Финляндии Восточная Карелия виделась как мощная буферная зона, защищающая страну от восточного врага. По мнению финского руководства, для финнизации карелов требовалось разбудить их гражданское сознание и прежде всего донести до них идею «Великой Финляндии»²⁰.

Идея «Великой Финляндии» должна была стать основой и для воспитания финно-угорских детей и молодежи Восточной Карелии. Следовало как можно скорее уничтожить в карельских детях ростки большевистского влияния, воспитать в них дух финской гражданственности. В связи с этим финские власти в Восточной Карелии считали организацию школьного образования одной из приоритетных задач. Неудивительно, что предложение об организации школьного дела на оккупированных территориях было внесено в ВУВК уже 21 августа 1941 г.²¹

Дети школьного возраста составляли в Восточной Карелии самую большую возрастную группу населения. По данным 1942 г., среди финно-угорского населения детей в возрасте 5–9 лет было чуть больше 8 %, а возрастная группа детей 10–14 лет составляла почти 10 %²². Воспитательная и образовательная работа ВУВК касалась только детей угро-финских национальностей. Русских детей и детей других «не-национальных» групп населения планы ВУВК по образованию не касались совсем²³.

Командант ВУВК подписал Постановление о введении обязательного школьного образования для детей «национального» населения Восточной Карелии 29 октября 1941 г. По этому Постановлению все дети карелов и представителей других финно-угорских этносов в возрасте 7–15 лет были обязаны учиться. 5 января 1942 г.

состоялось подписание Постановления о создании народных школ. Организация и руководство их деятельностью, а также контроль над ней возлагались на отдел просвещения, являвшийся частью структуры ВУВК. Языком обучения был определен финский, что сразу же исключало из сферы образования детей «не-национальных» групп населения²⁴. Первый же год работы школ показал, что дети карелов и вепсов также не понимают финскую речь²⁵. Учителя-финны были вынуждены сами осваивать местные диалекты, чтобы хоть каким-то образом доносить до своих учеников учебный материал²⁶.

Фактически учеба в народных школах Восточной Карелии началась в последнюю неделю ноября 1941 г. Осенью открылось 46 народных школ, для работы в которых было направлено 133 преподавателя. К концу года число учебных заведений достигло 53, и в них обучалось 4540 карельских детей²⁷. В 1942 г. количество народных школ возросло до 109, а в 1944 г. — до 112. К этому времени в народных школах Восточной Карелии работал 331 учитель и обучались 8393 школьника. В общей сложности численность «национальных» школьников в оккупированных районах Карелии к концу периода оккупации приближалась к 10 тыс. чел., что составляло около четверти «национального» населения территории²⁸.

Набор учителей для работы в школах Восточной Карелии был объявлен уже в сентябре 1941 г. Устанавливались строгие требования к кандидатам. Считалось, что работать им придется с детьми, не знакомыми с финской дисциплиной, не имеющими представления о религии и христианских ценностях. Предпочтение отдавалось членам патриотических организаций щюцкор и Лотта Свьярд²⁹. Для прошедших отбор учителей в начале ноября в Хельсинки были организованы недельные подготовительные курсы, на которых будущие преподаватели народных школ Восточной Карелии знакомились с историей и географией региона, деятельностью советских школ, работой школьного отдела ВУВК и практическими вопросами³⁰.

Подходы к созданию школьных учебников. На начальном этапе деятельности народных школ финские учителя применяли и советские учебные пособия. Разумеется, при этом исключалось все, что содержало пропаганду и положительные оценки русского или советского. С помощью учащихся было изъято из пользования около 50 тыс. книг. Опись книг, включая десятки наименований учебников, занимала 157 листов, в том числе книги на карельском и финском языках³¹. Портреты коммунистических вождей, плакаты, учебники и пособия для военного обучения собирались и передавались в военные комендантуры либо просто складывались на чердаках школьных зданий.

Первые учебные программы для школ Восточной Карелии были созданы в ВУВК осенью 1941 г. При их составлении стремились следовать применявшейся в Финляндии методике. В соответствии с ней учителя разрабатывали свои планы обучения, которые затем утверждал ведущий учитель, а после него — инспектор по делам народных школ. Для учителей школ Восточной Карелии в ВУВК каждый год составлялись детальные наставления по содержанию учебных программ. Пристальное внимание при этом уделялось планам уроков. Акцент делался прежде всего на идеологической составляющей, которой был подчинен процесс овладения знаниями и навыками, включая базовые навыки чтения.

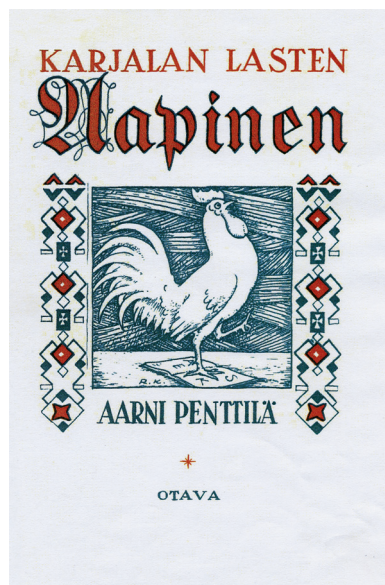
Предполагалось, что в противовес советской школе финская школа будет воспитывать из карельских детей свободных, способных самостоятельно мыслить граждан. В связи с этим на первый план выдвигались предметы, «формирующие направление мышления», такие как история, география, финский язык и религия³².

В школах на оккупированных территориях изначально планировалось использовать в основном учебники, употреблявшиеся в финских народных школах³³, что и попытались осуществить осенью 1941 г. Однако опыт не принес хороших результатов. По наблюдениям учителей, финские учебники для детей, родившихся вне Финляндии и практически незнакомых с жизнью этой страны, оказались слишком сложными для восприятия³⁴. Самые простые вещи, о которых финский ребенок знал буквально с младенческого возраста (например, Рождество), в карельских школах требовали разъяснения.

Кроме того, в финских учебниках было слишком мало сведений, касавшихся собственно Восточной Карелии. Например, в учебнике географии «*Isänmaa ja maailma*» («Отечество и мир»), изданном в 1940 г., Восточной Карелии посвящены лишь четыре страницы. Здесь жители региона характеризовались как «очень отставшие от финнов» в плане образованности и развития. По мнению авторов, распространенная в Карелии православная вера «не требует грамотности», а бедность и притеснения со стороны русских «парализуют» стремление населения к образованию³⁵.

Итак, для народных школ Восточной Карелии требовалось создать свои учебники по гуманитарным предметам, которые, помимо изложения основных сведений о Карелии и Финляндии, воспитывали бы дух финского патриотизма, закладывали бы основы христианской религиозности и морали и несли бы детям Карелии веру в Великую Финляндию. По распоряжению ВУВК подготовка этих учебников началась в 1941 г., к работе были привлечены высококвалифицированные специалисты. Известный лингвист профессор Аарни Пенттиля (*Aarni Penttilä*) из Университета г. Ювяскюля предоставил в отдел просвещения рукопись букваря для детей Карелии уже в конце лета 1941 г., а в 1942 г. учебник вышел в свет. Директор школы при Сортавальской учительской семинарии Каарло Мерикоски (*Kaarlo Merikoski*) подготовил книгу для чтения о Великой Финляндии, соответствующую по духу знаменитой патриотической книге Сакариаса Топелиуса «Наша страна» («*Maamme*»)³⁶. Офицер школьного отдела Эйно Кярки (*Eino Kärki*) написал небольшую книжку по географии Восточной Карелии. О создании учебника истории для народных школ Восточной Карелии достигли договоренности с профессором финской истории Эйнар Юва (*Einar Juva*). Результатом интенсивной работы стало то, что в 1942 г. в народных школах на оккупированных территориях Восточной Карелии были приняты к использованию три новых учебника и книга для чтения.

Букварь для детей Восточной Карелии. Содержание букваря³⁷ заслуживает особого внимания, поскольку овладение с его помощью навыками чтения давало карельским детям ключи для дальнейшего освоения финской культуры. Его автор Аарни Пенттиля считал крайне важным использование процесса обучения чтению в качестве инструмента развития речи у детей. Он опирался на собственный опыт создания букваря для финских школьников, где для реализации наглядного метода использовались серии картинок³⁸. Создаваемый на тех же дидактических

Титульный лист букваря для карельских детей («*Karjalan lasten aapinen*»). Автор — Аарни Пенттиля. 1942 г.

Страница из букваря Аарни Пенттиля с изображением железнодорожной станции «*Karjala*» (Карелия).

принципах «Букварь для детей Карелии» был богато проиллюстрирован. Страницы, знакомящие с отдельными буквами алфавита, содержат цветные рисунки известного финского художника-иллюстратора Рудольфа Койву (*Rudolf Koivu*), а текстовую часть букваря дополнил визуальными изображениями другой известный в Финляндии иллюстратор — Аарне Нопсанен (*Aarne Nopsanen*).

Букварь состоит из трех частей, явно различающихся даже по оформлению. Первая, алфавитная часть занимает 27 страниц (с. 3–29) и знакомит ребенка с буквами финского алфавита. В финском алфавите всего 29 букв, не считая букв «š» и «ž». По непонятной причине в букваре для карельских детей представлено лишь 20 букв. Возможно, что другие буквы предполагалось изучать по разрезной азбуке³⁹. Алфавитная часть букваря содержит минимум рисунков или слов, посвященных карельской тематике, которые отражают какую-то попытку адаптировать финский букварь для карельских детей. Привычные образы карельские дети могли увидеть, например, на рисунке, где изображена мать с детьми, стирающая белье (с. 13). Стирка осуществляется знакомым для карельских детей способом на берегу озера в особой деревянной лохани (кар. *Allaš*), с нагревом воды при помощи горячих камней. Слово «мама» здесь написано на карельский манер — *Maamo* (фин. *Äiti*). На странице, отведенной для буквы «j» (с. 20), помещен коротенький текст, озаглавленный «*Juna*» («Поезд»), а также изображен железнодорожный состав, стоящий на станции под названием «*Karjala*» («Карелия»). Автор ввел символическое название станции, подчеркивая национальный статус и значимость Карелии для Финляндии. Еще одно упоминание о Карелии содержится на странице, посвященной букве «ö» (с. 22), где наряду с лозунгом «Да здравствует Финляндия!» (*Eläköön Suomi!*), приводится лозунг «Да здравствует Карелия!» (*Eläköön Karjala!*).

Вместе с тем очевидно, что в алфавитной части букваря автор и иллюстратор книги

стремились в первую очередь познакомить учеников с обликом Финляндии. На рисунках преобладают дети, одетые в европейском стиле, который в Советском Союзе с оттенком презрения называли буржуазным, или мещанским: короткие штанишки, жилетки, чулки, белые переднички, панамки с полями и круглые шапочки-бейсболки. Многие представленные в книге детали быта также мало соответствовали карельским реалиям 1940-х гг.: лодка изображена с подвесным мотором, а обстановка в домах и сами постройки больше характерны для финских селений, чем для карельских деревень. В этой части книги дважды встречается изображение финского флага, и юным читателям дают понять, что Финляндия — «своя страна», которая в финской поговорке сравнивается с земляникой, тогда как «другая страна — это черника» (с. 11).

Вторая часть книги, включающая уже небольшие тексты для чтения, начинается со с. 30. Здесь характер и внешний вид букваря резко меняется. На смену цветным рисункам Рудольфа Койву приходит черно-белая графика Аарне Нопсасена, который иначе, чем его партнер по оформлению книги, подходит к созданию изображений. На рисунках Нопсасена нет «западных образов», ровесники читателей одеты в привычные для карельских детей кепки, пиджаки, рубашки и платица, а взрослые облачены в тулупы. «Карельским» становится и окружающий детей мир: художник изображает традиционный карельский дом с въездом на сеновал, перед ним на берегу лежит характерная карельская лодка с веслами.

В текстах, часть из которых дана на карельском языке, также более развернута местная тематика. Собственно, эту часть букваря его составитель открывает на родном языке ребенка, понимавшемся не как самостоятельный язык, а как диалект финского. Уже в первом тексте ученики читали: «При письме на диалекте Карелии необходимы некоторые особые буквы». Далее детей знакомят с твердой буквой «b», часто употребляемой в карельском языке и заменяющейся в финском языке буквой «p», а также с типичными для карельского языка буквами «z» и «š», практически не встречающимися в финских словах (с. 30–31).

Небольшие по объему карельские фольклорные тексты (детский стишок, считалка и поговорки), знакомые читателям букваря, также служили средством адаптации и «мягкого перехода» к финскому языку (с. 32, 33, 35). Любопытен занимающий целую страницу рассказ на финском языке, озаглавленный «Наша семья». Речь в нем идет, несомненно, о карельской большой семье, в которой насчитывается десять человек, включая шестерых детей. Здесь описывается быт крестьянской семьи: дед «расчистил поле», а отец «расчистил еще больше», мать ухаживает за домом и скотиной, а дети помогают взрослым в хозяйстве. Этот с первого взгляда идеологически нейтральный текст имеет тем не менее ряд имплицитных доминант. Подразумевается, что люди трудятся на частном (а не колхозном, как изображалось в советских букварях) участке земли, работают в домашнем хлеву (а не на колхозном скотном дворе) и ни в чем не нуждаются. Рассказ заканчивается на ноте, утверждающей семейные ценности: «Нам хорошо дома. У нас есть работа. Мы можем играть. Нам тепло. У нас есть хлеб. Нас защищает любовь отца и матери» (с. 37).

Чередование карельских и финских текстов вскоре заканчивается, и со с. 39 в букваре используется только финский язык. Примечательно, что автор

помещает в книжке и переведенную на финский язык русскую народную сказку о репке (с. 41), а завершает вторую часть книги темой Рождества. Сначала подробно описывается этот праздник, затем приводится одна из популярных финских рождественских песен, и венчает тему рассказ о финском ноже *puukko*, который мальчик Ииво получил в подарок: «Ииво получил на рождество в подарок нож, настоящий мужской нож» — так начинается рассказ (с. 51–53). Мечта детей скорее повзрослеть используется здесь как психологический прием в связке с актом инициации, наделением ребенка этнически маркированным символом — финским ножом.

Явное изменение в характере букваря наблюдается на с. 56, с которой начинается третья часть книжки: размер шрифта вновь уменьшается, а тексты становятся еще более объемными, в них появляется ярко выраженный назидательный тон. Здесь помещены нравоучительные сказки, притчи, стихи и поговорки, в которых высмеиваются жадность, бахвальство, трусость и превозносятся вежливость, честность и доброта. В этой части букваря помещена, например, русская сказка о лисице и журавле (с. 63), а также сказка, основанная на басне Жана Лафонтена о лисе и волке (с. 62). Сказки перемежаются со столь же поучительными рассказами о жизни детей. Так, в тексте «Честный мальчик» говорится о том, как ребенок нашел на дороге кошелек с деньгами и отнес его учителю. На реакцию товарища «Ты — глупец, никто же не видел, что ты нашел кошелек» мальчик ответил, что было два свидетеля — Бог и совесть (с. 67). Рассказ о двух мальчиках-посыльных из магазина (с. 66) учил детей вежливости, а текст «Извините, господин конь!» (с. 67) наставлял гуманно относиться к животным.

Составитель букваря уделил внимание важной теме гигиены и заботы о здоровье (с. 68–69). Описывается процедура мытья в бане, приводится стихотворение, призывающее поддерживать чистоту, которую можно соблюдать даже в свинарнике. Этим страницам автор вновь придает легкий карельский акцент, помещая на них рисунок типичной карельской бани, а также загадку и пословицу на двух языках — финском и карельском. Чередование карельских и финских вербальных и визуальных образов со всей очевидностью подчинено идее родства карельской и финской культур, которой должны были проникнуться читатели букваря.

Лишь затем следует блок текстов и фотографий, посвященных исключительно стране Суоми с ее расширившимися границами (с. 70–72). Тему открывает текст «Финляндия». Он выражает основную концепцию финских оккупационных властей, показывает, какой образ мыслей стремилась привить финская народная школа карельским детям. Приведем его здесь полностью: «Мы живем в Финляндии. Финляндия — это отечество, которое нам дорого. Мы являемся финнами. Наш родной язык, конечно же, финский. Раньше граница отделяла нас от Финляндии. Раньше чужак-русский властвовал над Карелией. Теперь по-другому. Граница теперь не отделяет нас от наших братьев. Чужой угнетатель изгнан на свою землю» (с. 70). Далее следуют тексты гимна Финляндии, гимна Карелии и рассказ о Хельсинки с фотографиями центра города, изображения зданий школы имени Алексиса Киви и финского парламента.

«Проект будущего» юным читателям предлагалось рассмотреть сквозь призму выбора профессии. Рассказ на двух страницах под названием «Кем ты

станешь» (с. 73–74) написан в форме диалогов между детьми и заканчивается патетической фразой: «Так каждый из нас будет строить прекрасную и богатую Карелию». Патетики добавляет и помещенная вслед за рассказом «Песня Олонцевой и Беломорской Карелий»: «Эй, братья из Беломорской Карелии, / ах, сестры из Олонца! / Давайте сплотимся в стаю, / как это делают птицы! / И давайте споем во весь голос / и всей грудью, наполненной радостью, / потому что теперь нас ведет свобода / это право народа!» (с. 74).

По мере приближения к концу учебного года автор букваря обращается к теме весны и грядущего лета. Карельская тема присутствует и здесь в пасхальной колядке на карельском языке, а дикая утка с птенцами напоминает детям о том, как важно научиться плавать и не обижать животных (с. 76).

По оценке финского учителя, работавшего на оккупированной территории, «Букварь для детей Карелии» соответствовал тому духу, который был создан в их школе. Недостаток учебника учитель видел в слишком слабой репрезентации религиозной тематики⁴⁰. Действительно, религиозная тема практически исчерпывалась несколькими упоминаниями Бога и представленной в книге молитвой «Отче наш» (с. 77). Вместе с тем размещение молитвы на последней странице, где традиционно печатались напутствия детям, являющиеся сгустком мировоззренческих установок, подчеркивало значимость этого текста. Очевидно, что Аарни Пенттиля профессионально имплантировал в букварь основные идеологемы и образы «Великой Финляндии», адаптировав их для детского восприятия. Красочные картинки Рудольфа Койву создавали в воображении детей, никогда не бывавших в Финляндии, идеализированный образ страны, где в опрятных домиках в окружении идиллической природы живут аккуратные и беззаботные дети.

История, география и родиноведение. При изучении курса истории главной задачей ставилось ознакомление детей с прошлым Финляндии и Восточной Карелии с целью пробудить в них любовь к родине и стремление ее защищать, а также показать несостоятельность советского строя. Основным и давним врагом всех финно-угорских народов назывались русские. Патриотизм воспитывался прежде всего не как любовь к своей малой родине, а как любовь к «Великой Финляндии». Такие же принципы были поставлены во главу угла и при преподавании географии. На уроках географии детям давали понять, что Восточная Карелия является «естественной частью» Великой Финляндии, и ее необходимо защищать от угрозы с Востока⁴¹.

Учебное пособие для школ Восточной Карелии под названием «*Itä-Karjalan vaiheita*» («Периоды истории Восточной Карелии») было написано по заказу ВУВК профессором Эйнарсом Юва в соавторстве с Каарло Мерикоски (*Kaarlo Merikoski*) и Альфредом Салмела (*Alfred Salmela*). Небольшую по размерам книжку (всего 31 с.) трудно назвать учебником. Скорее это дидактический материал для школ Восточной Карелии к курсу истории Финляндии. В финских школах ее также предполагалось использовать как дополнение к учебнику «*Isänmaan historia*» («История отечества»)⁴².

Авторы брошюры отмечали в предисловии, что «современные учебники истории» нуждались в переработке после того, как произошло «культурное воссоединение Восточной Карелии с Финляндией». Книжка открывается текстом

о заселении Карелии. Пунктиром очертив столетия истории, авторы представили в крайне неприглядном свете роль России и Советского Союза в жизни Восточной Карелии. Завершал брошюру характерный абзац, озаглавленный «Будущее Восточной Карелии». Содержание его наполнено оптимизмом: «Несчастливая жизнь многострадальной Восточной Карелии теперь переходит в совершенно новую колею. Ее судьба связана с судьбой Финляндии, и это обещает ей время свободы, на которую она не могла и надеяться под тяжким гнетом большевизма»⁴³.

Учебник по географии для карельских народных школ Восточной Карелии «*Itä-Karjalan maantieto*» («География Восточной Карелии»), написанный офицером школьного отдела ВУВК Эйно Кярки, тоже не отличался большим объемом. Книжка в полсотни страниц издана в 1942 г. В предисловии автор лукаво отмечал, что до сих пор «в школах Восточной Карелии — как карельских, так и русских — не было вообще никакого учебника по географии». Далее он с пафосом продолжал: «Лишь в последнее время, когда древняя земля финского племени кровью и железом была освобождена от власти русска⁴⁴, начали накапливаться знания об этой многострадальной земле». Учебник рекомендовалось использовать лишь после того, как ученики получают базовые знания по географии Финляндии. Оговаривалось, что в случае отсутствия другой учебной литературы этой книжкой можно пользоваться, начиная с третьего класса народной школы⁴⁵.

В трактовке Эйно Кярки Финляндия и Восточная Карелия составляют единое природное целое — Великую Финляндию. В начале книжки автор дает описание всего региона Восточной Карелии, а затем представляет отдельно Олонецкую, Беломорскую и Онежскую Карелии. В учебнике приводятся сведения о водных системах, климате, живой природе, о заселении Карелии, ее современных жителях, их занятиях, о дорогах и населенных пунктах. В предисловии автор подчеркивает необходимость возврата «прежних карельских названий» всем географическим объектам. В учебнике все русские названия заменены карельскими или финскими⁴⁶.

Примером интерпретации событий в контексте идеи «Великой Финляндии» служит описание школьного дела в Восточной Карелии. Эйно Кярки пишет, что «грамотность в Карелии была низкой, поскольку русские не заботились о ее повышении, а наоборот — препятствовали этому». По мнению автора, до прихода русских карелы были «цивилизованным народом», что подтверждается эпосом «Калевала». После «вторжения русских» эта цивилизованность исчезает, карельский народ беднеет, а при большевиках он «угнетается, как никогда ранее». Приход финнов открыл «новую эпоху для многострадального народа Карелии», теперь «тысячи карельских детей получили возможность знакомиться с родной страной и с историей своего народа»⁴⁷.

В дополнение к букварю и книжкам по истории и географии Восточной Карелии в 1942 г. была издана книга для чтения под названием «*Suuren Suomen kirja*» («Книга Великой Финляндии») с подзаголовком «Патриотическая книга для школьного и семейного чтения в Восточной Карелии и Финляндии». По своей структуре она напоминала вышедшие в дореволюционной России учебники «Родиноведение», дававшие основы знаний о природе, этнографии и экономике отдельных регионов страны. Редактором издания был советник по школьным делам Каарло Мерикоски. Книга, подготовленная по заказу ВУВК, предназначалась, по

словам редактора, «в помощь учителям в их работе в школах Восточной Карелии и собственно Финляндии»⁴⁸.

В своем обращении к учителям, помещенном в начале издания, Каарло Мерикоски рекомендует использовать книгу в старших классах народных школ, а также при дальнейшем обучении. Действительно, тексты книги предназначались вовсе не для малышей. Здесь были собраны отрывки из произведений известных финских авторов, таких как Эйно Лейно, Йохан Людвиг Рунеберг, Илмари Кианто, Юхани Ахо, Сакриас Топелиус и др. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в книге много внимания уделено Беломорской Карелии, где Элиас Леннрот записал основную часть эпических рун «Калевалы», объединяющей культуру карелов и финнов. Большинство текстов, рассказывающих о Беломорской Карелии, принадлежит перу известного карельского активиста Ииво Хяркёнена (*Iivo Härkönen*).

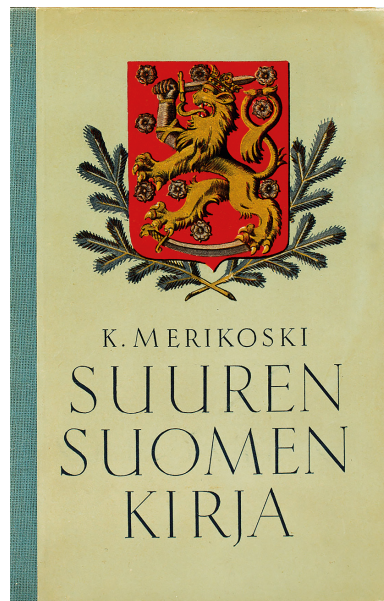
Все 365 страниц «Книги Великой Финляндии» богато иллюстрированы фотографиями и содержат следующие основные разделы:

1. Дом и родные окрестности; 2. Наша страна; 3. Народ; 4. Люди на работе; 5. Этапы прошлого; 6. За пределами нашей страны; 7. Среди народов нашего племени; 8. Великие финны; 9. О наших днях.

Особенно много сведений о Восточной Карелии содержится в разд. 1. В разд. 6 рассказывалось об ингерманландцах и финнах, проживающих в Америке и Швеции, а в разд. 7 описывались финно-угорские племена: воль, вепсы, мордва, ливвики, самоеды и венгры. В разд. 8 о великих финнах были представлены такие политические фигуры, как маршал Густав Маннергейм, президент Ристо Рюти, а также деятели культуры Элиас Леннрот, композитор Ян Сибелиус и др. Заключительный разд. 9 знакомил читателей с основными институтами финского общества (в числе которых парламент, церковь, школа), а также с гигиеной и «трезвой Финляндией».

По мнению редактора «патриотической книги для чтения», ее страницы должны были пробуждать в читателях любовь к Родине, служить развитию «финской мысли» и гражданской добродетели, давать представление о христианских ценностях. Мерикоски считал, что книга служит «скромным фактором в деятельности, целью которой является создание великой и счастливой Финляндии и ее единого народа»⁴⁹.

Как уже отмечалось выше, роль этой книги в Восточной Карелии должна была соответствовать роли книги Топелиуса «*Maamme*» («Наша страна») в Финляндии. Однако данной цели не удалось достигнуть. Как известно, книга Топелиуса внесла

Обложка книги для чтения «*Suuren Suomen kirja*» («Книга Великой Финляндии»). Редактор — Каарло Мерикоски. 1942 г.

цементирующий вклад в создание финской нации в силу своей универсальности, основанной на использовании классических текстов и базовых культурных символов финского народа. С 1876 г. по 1940-е гг. она была издана в Финляндии более 70 раз, оставаясь на протяжении всего указанного периода школьным учебником⁵⁰. Скороспелую книгу Мерикоски, составленную на злобу дня, хотя и с привлечением классических произведений, трудно сравнивать по этим качествам с учебником Топелиуса. Мерикоски не гнушался приемов газетной пропаганды, введя в книгу такие тексты, как рассказ о девочке-сироте из Беломорской Карелии, ставшей «дочерью Финляндии». Ее отец погиб в борьбе с большевиками, а мать пропала во время войны. Девочка вместе с бабушкой и «тысячей других беломорских карел» бежала от войны в Оулу. Там она получила приглашение в детский дом, расположенный на юге Финляндии. По пути в детский дом девочка познакомилась со столицей Финляндии. Рассказ заканчивается признанием новой родины, что давало определенную настрой юным читателям букваря, жившим в Карелии и соотносившим себя с героиней рассказа: «Какая прекрасная и большая столица у финнов и красивая вся страна. Это верно, что финны счастливо живут, но я ведь тоже финка, Финляндия — это и моя родина»⁵¹.

В период «войны-продолжения»⁵² в Финляндии планировалось издание и других учебников для народных школ Восточной Карелии. Однако эти планы осуществились лишь частично. Были изданы, например, книги для внеклассного чтения по Закону Божьему, который изучался в школе как отдельный предмет: «В чем истина?», «Бог говорил», «Рождество свободной Карелии»⁵³. Вместе с тем сборник песен для Восточной Карелии, букварь вепсского языка, учебник по истории Восточной Карелии так и не появились на свет по разным причинам⁵⁴.

Финский исследователь Антти Лайне, одним из первых детально изучивший политику финских оккупационных властей на территории российской Карелии, заметил, что по сравнению со школой в советской Карелии финское образование не делало особенного упора на предметы, формирующие образ мысли⁵⁵. Здесь можно заметить определенное противоречие с теми сведениями, которые приводит этот же автор в своих исследованиях и которые мы видим, непосредственно обращаясь к школьным учебникам. Очевидно, в своем выводе А. Лайне подразумевает, что советская система народного образования была еще более политизирована, чем финская.

Вместе с тем анализ учебных книг гуманитарного цикла показывает, что их содержание подчинялось изживанию советского, в противовес которому в сознании школьников Восточной Карелии должны были утвердиться идея собственной принадлежности к «новой родине», к «Великой Финляндии», и иная система ценностей. В учебниках, ориентированных на подростков, пропагандистские задачи решаются методом «лобовой атаки», путем прямого противопоставления русской (уравненной с советской) и финской культуры. Иной подход наблюдается в букваре. Здесь доминанты финской культуры имплантированы в книгу, вплетены в вербальные и визуальные тексты и систему образов таким способом, чтобы адаптация начинающего читателя к новой культурной среде происходила исподволь, а эта среда в итоге воспринималась бы как своя, родственная. Финская школа и созданные для нее учебники были четко сориентированы на формирование человека,

отвращенного от советской системы ценностей, воцерковленного, способного интегрироваться в финское отечество, стать гражданином-патриотом «Великой Финляндии», проекту которой не суждено было осуществиться.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН, тема «Карелия в условиях мира и войны», и Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

¹ См. об этом: *Лессинг С.* Предисловие. Школьный учебник и конфликт в Центральной Азии, на Южном Кавказе и в Молдове в постсоветский период // Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве. Брауншвейг, 2010. С. 5–6.

² What Shall We Tell the Children? International Perspectives on School History Textbooks / eds S.J. Foster, K.A. Crawford. Charlotte, 2006. P. 4–5.

³ См., напр.: *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2014; «Букварь — это молот»: учебники для начальной школы на заре советской власти, 1917–1932 гг. / ред. Т. С. Маркарова, В. Г. Безрогов. Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 12. М., 2011; «Пора читать»: буквари и книги для чтения в предреволюционной России. 1900–1917 гг. / ред. В. Г. Безрогов, Т. С. Маркарова. М., 2010.

⁴ *Германова О. Е.* «Новый порядок» и школа в период оккупации Псковщины // Труды Псковского политехнического института. 2008. № 12.1. С. 36–40.

⁵ *Дацшина М. В.* Учебники от Гитлера: программа нацистов по социализации молодежи на оккупированных советских территориях // Alma mater. Вестник высшей школы. 2011. № 1. С. 80–88.

⁶ *Михайлюк М. В.* Немецкая пропаганда на Украине (1941–1944) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. статей / ред. М. В. Друзин. СПб., 2008. С. 593–621.

⁷ *Обозный К. П.* Псковская миссия в годы немецкой оккупации // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 176–204.

⁸ *Равдин Б.* Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945 // Ruthenia. Объединенное гуманитарное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/545595.html> (дата обращения: 20.06.2018).

⁹ *Туронак Ю.* Беларуская кніга пад нямецкім кантролем (1939–1944). Минск, 2002.

¹⁰ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982.

¹¹ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava. Suomalainen kansankoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysjänneiden auukselaiskylässä 1941–1944. Joensuu, 2006.

¹² *Rautajoki R.* Vaiettu sotapakolaisuus. Inkeriläiset kansankouluopettajat Jatkosodan aikana. Joensuu, 2017.

¹³ *Германова О. Е.* «Новый порядок» и школа в период оккупации Псковщины... С. 38.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Равдин Б.* Мама мыла пилораму...

Известно, что технологию заклеивания страниц с нежелательной информацией нацистские власти использовали и на территории собственной страны в 1933–1935 гг. Пока тщательно готовились новые учебники, школьники пользовались книгами периода Веймарской Республики с частично изъятой с информацией. См. об этом: *Selmeier F.* Das nationalsozialistische Geschichtsbild und der Geschichtsunterricht. München, 1969. S. 122.

¹⁶ Цит. по: *Михайлюк М. В.* Немецкая пропаганда на Украине... С. 615.

¹⁷ См. об этом: *Кринко Е. Ф.* Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. М., 2015. С. 44–45.

¹⁸ См. об этом: *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Петрозаводск, 2009. С. 306–307.

- ¹⁹ Данные приводятся по: *Laine Antti*. Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 96–102.
- ²⁰ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 119.
- ²¹ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 174.
- ²² *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 42–43.
- ²³ Тем не менее несколько школ для русского населения в Петрозаводске и сельской местности все-таки работали. Советские власти оценивали их существование как декоративное, с целью демонстрации западным корреспондентам гуманного характера оккупационного режима. См., напр.: Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф.Р-1192. Оп. 2. Д. 18/143. Л. 30–31 («О злодеяниях финских захватчиков в области просвещения»).
- ²⁴ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 175–176.
- ²⁵ Хотя в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. в школах КАССР, а также в 1940–1941 гг. в школах Карело-Финской ССР финский язык преподавался, этого оказалось недостаточно. Меньше проблем с языком было в Беломорской Карелии, поскольку местный диалект наиболее близок к финскому. Хуже всего дело обстояло в вепских школах, где финский язык ранее не преподавался.
- ²⁶ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 72.
- ²⁷ *Ibid.* S. 64.
- ²⁸ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 177.
- ²⁹ *Ibid.* S. 176.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ НАРК. Ф.Р-805. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–157 («Списки книг на русском и финском языках, захваченных оккупационными властями на территории Карело-Финской ССР и предназначенных к уничтожению»).
- ³² *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 178–179.
- ³³ Во время войны ученики народных школ в Финляндии занимались по следующим учебникам. В первом и втором классах чтение преподавалось по книжке *«Ploinen Lukukirja»* («Веселая книга для чтения») авторов Хаавио, Конттинена и Оксала (*Haavio, Konttinen, Oksala*), а основы арифметики дети постигали по учебнику *«Alakansankoulun laskuoppi»* («Учебник по арифметике для начальной народной школы»). В 3–6-м классах основы религии изучали по книжке *«Raamatun historia»* («Библейская история»), знакомились с историей Финляндии по учебнику *«Isänmaan historia»* («История отечества»), обучались географии по книге *«Isänmaa ja maailma»* («Отечество и мир»), а также пользовались учебниками по математике, геометрии, естествознанию и пению. См. об этом: *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 122.
- ³⁴ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 122.
- ³⁵ *Hakalehto A., Salmela A.* Isänmaa ja maailma. Kansankoulun maantieto. Porvoo; Helsinki, 1940. S. 86–89.
- ³⁶ Книга Топелиуса была впервые издана в 1876 г.
- ³⁷ *Penttillä A.* Karjalan lasten aapinen. Helsinki, 1942.
- ³⁸ Речь идет об учебнике *«Aapiskukka»* («Букварный петух»), выпущенном впервые в 1938 г., а затем дважды переизданном в годы войны в сокращенном варианте.
- ³⁹ Разрезная азбука представляет собой картонные карточки, на которых напечатаны буквы.
- ⁴⁰ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 122.
- ⁴¹ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 178–182.
- ⁴² *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 122–123.
- ⁴³ *Juva E., Merikoski K., Salmela A.* Itä-Karjalan vaiheita. Helsinki, 1942. S. 3, 30.
- ⁴⁴ Презрительное именование русских в финском языке.
- ⁴⁵ *Kärki E.* Itä-Karjalan maantieto. Porvoo; Helsinki, 1942. S. 5–7.
- ⁴⁶ *Ibid.*
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 40–41.
- ⁴⁸ *Suuren Suomen kirja.* Isänmaalinen lukukirja Itä-Karjalan sekä Kanta-Suomen kouluille ja kodeille / ed. K. Merikoski. Helsinki; Valistus; Otava, 1942. S. 3.
- ⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Лескинен М.В.* Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении Э. Топелиуса // *Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен.* М., 2010. С. 299, 304.

⁵¹ *Suuren Suomen kirja...* S. 55.

⁵² В финляндской историографии войну 1941–1944 гг. против Советского Союза называют войной-продолжением, т. е. продолжением Зимней войны 1939–1940 гг.

⁵³ НАРК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 18/173. Л. 18, 33.

⁵⁴ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava... S. 125.

⁵⁵ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot... S. 186.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Илюха О.П., Шикалов Ю.Г. Школьные учебники периода финской оккупации Карелии (1941–1944 годы) // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8, № 3. С. 708–724. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.311>
УДК 371.64/. 69(470.22). «1941/1945»

Аннотация: В статье на фоне общей ситуации в сфере школьного дела на оккупированных территориях СССР раскрыта специфика школьной политики в Карелии, проводившейся финскими оккупационными властями. В центре внимания — содержание школьных учебников для карельского населения. Выявлены подходы авторов книг при создании букваря и учебников по географии, истории и краеведению. На примере букваря для карельских детей показано, как были имплантированы в книгу основные идеологемы и образы «Великой Финляндии» и какими средствами автор адаптировал их для детского восприятия. Чередование карельских и финских текстов было призвано дать ощущение культурной близости карелов и финнов. Красочные иллюстрации создавали в воображении детей, никогда не бывавших в Финляндии, идеализированный образ страны. В отличие от букваря, в учебниках истории и географии, ориентированных на подростков, пропагандистские задачи решаются прямолинейно, методом «лобовой атаки», путем прямого противопоставления русской (уравненной с советской) и финской культуры. В статье показано, что финская школа и созданные для нее учебники были сориентированы на формирование человека, отвергнутого от советской системы ценностей, воцерковленного, способного интегрироваться в финское отечество и стать гражданином-патриотом «Великой Финляндии», проекту которой не суждено было осуществиться.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Карелия, Финляндия, оккупация, история образования, школьный учебник.

Сведения об авторах: *Илюха О.П.* — доктор исторических наук, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия); iljuha@krc.karelia.ru | *Шикалов Ю.Г.* — PhD истории, доцент, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия); yury.shikalov@uef.fi

FOR CITATION

Ilyukha O.P., Shikalov Yu.G. 'The School Textbooks at the time of the Finnish Occupation of Karelia (1941–1944)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 708–724. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.311>

Abstract: We elaborate on the specific features of the school policy implemented in Karelia by Finnish military occupation authorities against the overall background of the school education situation in occupied areas of the USSR. The focus is on the content of school textbooks for the Karelian populace. The approaches maintained by the authors of the primer and textbooks in geography, history, and local lore were identified. The primer for Karelian children was analyzed to demonstrate how the key ideologemes and images of 'the Great Finland' were implanted into the book, and how its author adapted them to be best perceived by children. The alternation of Karelian- and Finnish-language texts were meant to create a sense of cultural kinship between Karelians and

Finns. Colorful illustrations generated an idealized image of Finland in the imagination of the children who have been to this country. In contrast to the primer, history and geography textbooks for teenagers handle propagandist tasks in a straightforward way, through 'head-on attack', by directly contraposing Russian (equaled to Soviet) vs. Finnish culture. The article argues that the Finnish school and the textbooks created for it were designed to shape an individual averted from the Soviet system of values, a churched person ready to be integrated into the Finnish homeland and become a patriot citizen of Great Finland — a scheme not fated to be realized.

Keywords: World War II, Karelia, Finland, occupation, history of education, school textbook.

Authors: *Ilyukha O. P.* — Doctor in History, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia); iljuha@krc.karelia.ru | *Shikalov Y. G.* — PhD in History, Associate Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland); yury.shikalov@uef.fi

References:

- “Bukvar’ — eto molot’”: uchebniki dlya nachalnoj shkoly na zare sovetsoj vlasti, 1917–1932 gg.’, Eds. T. S. Markarova, V. G. Bezrogov, *Trudy seminarov “Kultura detstva: normy, cennosti, praktiki”*, Iss. 12 (Moscow, 2011).
- Dacishina M. V. ‘Uchebniki ot Gitlera: programma nacistov po socializacii molodezhi na okkupirovannyh sovetsoj territorijah’, *Alma mater. Vestnik vysshej shkoly*, no. 1, 2011.
- Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* (Moscow, 2014).
- Germanova O. E. “Novyj porjadok” i shkola v period okkupacii Pskovschiny’, *Trudy Pskovskogo politehnicheskogo instituta*, no. 12.1, 2008.
- Hölsä M. *On uuden huomenen saava. Suomalainen kansankoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaiskylässä 1941–1944* (Joensuu, 2006).
- Krinko E. F. ‘Sovetskaya shkola v usloviyah nacistsoj okkupacii (1941–1944 gg.)’, *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* (Moscow, 2015).
- Laine A. *Suur-Suomen kahdet kasvat. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944* (Helsinki, 1982).
- Leskinen M. V. ‘Puteshestvie po rodnoj strane: opisanie kak sposob nacional’noj reprezentacii. Finlyandiya i finny v izobrazhenii Z. Topeliusa’, *Homo viator: Puteshestvie kak istoriko-kul’turnyj fenomen* (Moscow, 2010).
- Lessing S. ‘Predislovie. Shkol’nyj uchebnik i konflikt v Centralnoj Azii, na Yuzhnom Kavkaze i v Moldove v postsovetsoj period’, *Mnogolikaya Klio: boi za istoriyu na postsovetsoj prostranstve* (Braunschweig, 2010).
- Mikhaylyuk M. V. ‘Nemeckaya propaganda na Ukraine (1941–1944)’, *Problemy otechestvennoj istorii: istochniki, istoriografiya, issledovaniya: sb. nauch. statej*, Ed. M. V. Druzin (St. Petersburg, 2008).
- Oboznyi K. P. ‘Pskovskaya missiya v gody nemeckoj okkupacii’, *Vestnik cerkovnoj istorii*, no. 4, 2006.
- Penttillä A. *Karjalan lasten aapinen* (Helsinki, 1942).
- “Pora chitat’”: bukvari i knigi dlya chteniya v predrevolyucionnoj Rossii. 1900–1917 gg.’, Eds. V. G. Bezrogov, T. S. Markarova (Moscow, 2010).
- Rautajoki R. *Vaiettu sotapakolaisuus. Inkeriläiset kansankouluopettajat Jatkosodan aikana* (Joensuu, 2017).
- Selmeier F. *Das nationalsozialistische Geschichtsbild und der Geschichtsunterricht* (München, 1969).
- Turonak Yu. *Belaruskaya kniga pad nyameckim kantram (1939–1944)* (Minsk, 2002).
- Verigin S. G. *Kareliya v gody voennyh ispytanij* (Petrozavodsk, 2009).
- What Shall We Tell the Children? International Perspectives on School History Textbooks*, Eds. S. J. Foster, K. A. Crawford (Charlotte, 2006).